Рассказ скачан на сайте http://eromo.org

Название: Как меня женили. Часть 1: Западня

От автора: Приведенный далее текст является обещанной предысторией к «Приключению в Алавире». Здесь совсем нет секса, как процесса, зато есть секс, как состояние души и образ мыслей. Со временем будет опубликовано продолжение, где самого процесса будет намного больше.

С уважением, Не-комментатор))))

— Фарит! Здорово! Как жизнь? — круглолицый плечистый учитель физкультуры в младших классах Виталий Анатольевич Васин по прозвищу Васек с широкой улыбкой и огромной силой тряс мою правую руку.

Он был на голову выше меня, раза в два шире в плечах, белокурый, курносый с почти лишенными щетины румяными щеками, покрытыми многочисленными красноватыми оспинами.

- Привет, Васек. Все в норме. Ты как? улыбался я ему в ответ, не решаясь отнять уже начавшую побаливать руку.
- Отлично! он, наконец, отпустил мою ладонь и позволил мне пройти к моему столу. Ты сегодня допоздна, как всегда? спросил он, плюхнувшись на жалобно скрипнувший под ним стул, когда я поставил на стол свой портфель и начал выгружать из него тетради с контрольными одиннадцатого класса, учебники, справочники, ручки и измерительные приборы.

Я молча кивнул.

- Жаль, он вздохнул, было бы неплохо встретиться как-нибудь в неформальной обстановке, посидеть, поболтать за жизнь за кружечкой пивка...
- Я ж не пью, снисходительно улыбнулся я, усаживаясь на свой стул и быстрыми движениями перебирая четки.

Привычку четыре раза в день брать эти деревянные бусы и с важным видом перебирать их, бормоча что-то себе под нос, я выработал всего месяц назад, но уже не мог без этого обходиться. Дома меня не оставляло чувство, будто я забыл сделать что-то очень важное, если не брал в руки четки. Братья в открытую посмеивались надо мной поначалу, но потом аналогичную привычку пришлось выработать и близнецам. С тех пор им больше не до шуток. Васек в уважительном молчании дождался окончания моей молитвы, не сводя широко раскрытых глаз с моих рук, затем поднял взгляд на мое лицо:

- Прости, никак не привыкну. Те мусульмане, с которыми я встречался раньше, не были такими щепетильными в вопросах выпивки.
- Скажи спасибо моему отцу, кивнул я. Он воспитывал меня в строгости и всегда требовал неукоснительно следовать законам нашей веры.
- Забавно, прищурился Васек, многие из ваших говорят, что здесь ваши законы можно не соблюдать, мол, Аллах сюда не смотрит.
- Как и ваш бог, Аллах вездесущ и всеведущ, сказал я, надевая очки. А те, кто утверждает, будто из-за того, что они переехали жить в другое место, законы ислама на них более не распространяются, просто лукавят, и в час, когда они предстанут перед Аллахом, их грехи не позволят им попасть в райские сады.
- А ты, значит, мечтаешь о вечной жизни в раю, улыбнулся Васек.

- Почему бы и нет? я пожал плечами. Если есть возможность вечно нежиться в объятиях прекрасных гурий, прожив в смирении всего каких-то восемьдесят лет, почему бы не потерпеть?
- А тебе не кажется, что это психология раба? задумчиво проговорил он.

Я снова передернул плечами. А мне не все равно? Я говорю то, что вычитал в книжках об исламе. И вообще, какое ему дело, во что я верю и какой психологии придерживаюсь?

- Мне кажется, проговорил я с улыбкой человека, который не желает затевать бессмысленный спор, что скоро прозвенит звонок, а кому-то еще надо переодеться к уроку. Васек вздохнул и кивнул:
- Конечно, ты прав...

Он хотел сказать еще что-то — я видел это по его глазам — но в этот момент дверь учительской распахнулась и на пороге возникла Альбина Петровна, высокая стройная блондинка, учитель русского языка и литературы в старших классах. Она обворожительно улыбнулась, подмигнула не то мне, не то Ваську и, тряхнув длинными густыми волосами в крупных кудряшках, уселась на край своего стола, вытянув идеальные ножки.

Доброе утро, коллеги, — произнесла она, доставая из сумочки пудреницу.
 Васек молча кивнул и сглотнул комок, а я прыснул про себя.

Это жестоко с его стороны. Даже я, зная правду, временами начинал пускать слюнки, глядя на эту его форму. Что уж говорить о посторонних, таких как Васек.

Тем временем Альбина закончила поправлять макияж и изящным жестом взяла со стола маленькую черную папочку с методичками и учебник.

- Фарит Тимурович, проворковала она уже от двери, не убегайте сегодня после уроков. У Сары Игнатьевны день рождения, она хотела устроить небольшой сабантуйчик. Скорее всего, она еще зайдет и пригласит вас лично.
- Благодарю, Альбина Петровна, улыбнулся я ей в ответ. Я обязательно буду. Дверь за Альбиной закрылась, и Васек перевел ошалелый взгляд на меня:
- Вот это женщина, выдохнул он через пару секунд. Я бы не отказался с такой провести вечерок.

Я ухмыльнулся:

- Боюсь эта конфетка тебе не по зубам.
- Ты хочешь сказать, что у меня нет ни малейшего шанса? Что она никогда не заинтересуется таким, как я?

Я медленно покачал головой. Пусть думает, что хочет. Не объяснять же ему, в самом деле, что это соблазнительное тело, эти стройные ножки, эти игривые глазки и все остальное принадлежит трехметровому монстру с торчащими в разные стороны клыками, с когтями, способными разрезать стальные латы и вырывать сердца, и характером средневекового инквизитора, для которого жизнь человека и выеденного яйца не стоит. И этот монстр, ко всему прочему, мужского пола.

Васек обреченно вздохнул и поднялся со стула, направляясь к двери, когда в кабинет со смехом ввалились Ирина Федоровна и Светлана Павловна. Они умолкли, заметив Васька и меня, заговорщицки переглянулись, при этом Светлана Павловна густо покраснела и, опустив голову, прошла на свое место. А Ирина Федоровна смерила презрительным взглядом Васька, который тут же отвел глаза, и стремительно вышел в коридор.

Стол Ирины Федоровны, учительницы химии и биологии, находится рядом с моим, но ближе

к окну. Это роскошная женщина. Разумеется, она ни в какое сравнение не идет с Альбиной с ее утонченными манерами и изощренными методами обольщения, но ее женское естество так и прет наружу. У нее почти идеальное тело, темно-русые шелковистые волосы до плеч, которые она всегда укладывает на пробор и подкалывает невидимками непослушную челку, приятные черты лица, сдержанная улыбка, похожая на улыбку Моны Лизы, маленькие ладошки с цепкими пальчиками, тонкие запястья и лодыжки, небольшая упругая грудь и гибкая талия, плавно переходящая в узкие бедра. Она всегда носит платья с глубокими декольте и юбки с умопомрачительными разрезами, туфли на высоченном каблуке и украшения, которые подчеркивают идеальный изгиб ее шейки и приятную округлость плеч. Светлана Павловна почти полная противоположность Ирины. Невысокая фигуристая брюнетка, с выразительными зеленоватыми глазами, длинными волнистыми волосами, маленьким курносым носиком и шелковистыми пухлыми губками. Она всегда смешно краснеет в моем присутствии, носит мягкие бесформенные свитера под горло, которые, однако, ничуть не скрывают соблазнительные округлости ее еще совсем юного тела. Она читает французский язык, поэтому ее всегда сопровождает ореол французского шарма и аромат «Шанель № 5». Она носит юбки чуть ниже колена и высокие сапожки на небольшой танкетке или каблучке.

Честно говоря, из моих коллег она нравится мне больше всех, возможно, из-за того, что она моложе других, возможно, все дело в моей тяге к естественности, а, может быть, меня просто забавляет то, как она смущается в моем присутствии. Досадно, что с тех пор, как я устроился сюда, мне ни разу не удалось остаться с ней наедине — рядом все время крутится то Ирина Федоровна, то англичанка Людмила Эрастовна.

Я взял из стопки на краю стола верхнюю тетрадь и раскрыл ее, бросив быстрый взгляд на Светлану. Она сидела ко мне боком и поправляла волосы, глядя в большое зеркало, висевшее напротив ее стола у двери. Заметив мой взгляд, она замерла на мгновение, а потом снова густо покраснела. — Фарит Тимурович, — склонилась к моему столу Ирина. Да как склонилась! С того места, где я сидел, мне открывался чудесный вид на ее обнаженную грудь, подтянутый животик и даже на маленькие шелковые трусики, — что-то вы такой печальный каждый раз, когда пообщаетесь с этим физруком.

Я не без труда поднял глаза и посмотрел ей в лицо. Грубо, очень грубо. Он бы сделал все намного тоньше, и я бы точно не устоял. Нельзя вот так сразу демонстрировать всю свою красоту, пусть даже зрелише действительно завораживающее.

— Ну что вы, Ирина Федоровна, — я улыбнулся и накрыл ладонью ее пальчики, которыми она упиралась в край моего стола. Она судорожно вздохнула, и на ее щечках заиграл легкий румянец. — Виталий Анатольевич просто относится к той породе людей, которые считают своим долгом, во что бы то ни стало обратить на путь праведный всех грешников и иноверцев. Я, по его мнению, несчастная заблудшая овца, которая никогда не узнает покоя, — легкое поглаживание. Она напряглась, и мне теперь было хорошо видно, как встали торчком ее сосочки и как по упругой, но, увы, увядающей коже, побежали мелкие мурашки. Я усмехнулся и убрал руку. Она шумно выдохнула сквозь стиснутые зубы, будто выпуская скопившийся внутри пар. — Ему невдомек, что для меня заблудшая душа не я, а он, и что у меня аргументов, которые могли бы обратить его в мою веру, куда больше, чем у него. К тому же, в наших религиях намного больше сходств, чем различий. Поэтому я не расстраиваюсь после разговоров с ним. Мне просто его жаль — он хороший парень, который никак не найдет

правильные ориентиры.

- Вы так добры, вздохнула за своим столом Светлана Павловна и вдруг, словно опомнившись, снова покраснела до корней волос.
- Я вовсе не добрый, улыбнулся я и потянулся.

Черт, если так пойдет и дальше, я просто взорвусь. Надо отвлечься от этих баб.

Да, мне крупно повезло — в учительской, где мне выделили место, все дамы были как на подбор стройные и сексуальные. И, так как я в их змеином гнезде единственный мужчина, да еще и молод и хорош собой, каждая из них считает своим долгом показать, что я ей небезразличен. А я? Да что я! Мне поставили ультиматум — никаких служебных романов. Даже никаких интрижек на работе! Разумеется, плевал бы я на все их ультиматумы, если бы не он...

А они ведь из кожи вон лезут. Думают, я не заметил? С тех пор, как я появился здесь, у них стало дурным тоном носить нижнее белье! Духи только с феромонами, украшения только чтобы подчеркнуть природные прелести... «Ах, Фарит Тимурович, вы же живете один? Ну, кто о вас еще позаботится, как не родной коллектив!» — как правило, после этих слов мне в руки буквально впихивают полтонны котлет, булочек, пирожков, пряничков. Слава Хаосу, хоть борщей в баночках пока не было!

— Доброе утро, — от очередной демонстрации груди и прочих богатств Ирины Федоровны меня спас жесткий голос Людмилы Эрастовны.

Светлана улыбнулась старшей коллеге, виновато кивнула Ирине и в мгновение ока испарилась. Ее французский шарм тут же вытеснил строгий англо-саксонский порядок Людмилы.

Ирина также кисло улыбнулась, демонстративно поправила платье, с грохотом выдвинула ящик стола, в котором она хранила книги и наглядные пособия, схватила всю стопку и пружинистым шагом вышла в коридор.

- Доброе утро, Людмила Эрастовна, я не смог сдержать вздох облегчения, хотя обычно в ее присутствии чувствовал себя более чем просто скованно.
- Угу, не глядя на меня, ответила она.
- Фарит Тимурович? в кабинет, улыбаясь во все тридцать два жемчужно-белых зуба, заглянула Сара Игнатьевна, завуч старших классов.

Во всех отношениях потрясающая женщина. Потрясающая, прежде всего, своими размерами и формами. Имея рост не более полутора метров, она умудрилась вырастить себе талию примерно такого же обхвата. Как говорится, легче перепрыгнуть, чем обойти. У нее было несколько математических прозвищ, за каждое из которых острословов, которые их придумали, можно было без проблем отчислить из школы и тут же зачислить на второй курс любого технического вуза. Лично я для себя называл ее Сарочкой, грассируя.

Она не без труда протиснулась в узкую дверь и тяжело опустилась на стул у моего стола. Я поднял на нее глаза, сняв очки и потерев переносицу.

— Фарит Тимурович, — проговорила она, отведя глаза в сторону, — у вас сегодня, кажется, четыре урока.

Я кивнул:

- Три, начиная со второго. Я заканчиваю в половине первого.
- Не могли бы вы задержаться после уроков? она вдруг покраснела. У меня день рождения, и я хотела бы видеть вас среди моих гостей.

- Разумеется, Сара Игнатьевна, я с трудом сдержался, чтобы не грассировать, обращаясь к ней.
- Вот и отличненько, заулыбалась завуч и звонко чмокнула меня в щеку.
- Какой вы галантный кавалер, без тени улыбки произнесла Людмила, едва дверь за Сарочкой закрылась.
- Какой есть, я пожал плечами и уткнулся в тетрадь, которая уже несколько минут лежала передо мной раскрытая.
- А так как вы непьющий, будете нас сегодня по домам провожать, она обернулась ко мне и поправила очки.
- Для этого уже давно придумали такси, буркнул я.

Она презрительно хмыкнула и вышла в коридор.

Почти сразу после ее ухода прозвенел звонок. За дверью послышался торопливый топот десятков ног, а затем все стихло, лишь изредка до меня доносился свист и крики из спортзала. Прошло примерно пол урока, и я проверил около трети контрольных, когда дверь учительской снова скрипнула, и в кабинет заглянул круглолицый румяный буфетчик Ромчик.

- Здорово, сказал он, убедившись, что я один.
- Проходи, я отложил ручку и потянулся.
- Xe, а тебе идут очки, улыбнулся Ромчик и плюхнулся на стул, на котором не более двадцати минут назад восседала Сарочка.
- Спасибо, кивнул я. Какие новости?

Он вздохнул:

- Голяк. Мне вообще кажется, что мы здесь теряем время в пустую. А у тебя?
- Та же фигня.
- Ну, мало ли, может, этот дурачок Васек тебе чего-то рассказывал...
- Этот дурачок при каждом удобном случае пытается меня убедить в том, что ислам это религия рабов и фанатиков.
- Хе, а ты ему не говорил, что любая религия предназначена лишь для того, чтобы подавить индивидуальность и заставить человека делать то, что он сам делать не хочет?
- Ага, может, ему всю космогонию надо было описать? я ухмыльнулся.
- И не забыть о том, что все это существует лишь благодаря нам.
- Думаешь, этот болван поверил бы?
- Явил бы ему какое-нибудь чудо, Ромчик передернул плечами.
- Да ну его, я вздохнул. Честно говоря, меня все это начинает бесить. У меня уже месяц не было секса, а эти кошки недотраханные так и липнут ко мне. Еще немного, и я не выдержу.
- Тяжко тебе приходится, он хлопнул меня по плечу и поднялся. И у меня такое ощущение, что в этом ничего нет. Пустышка.
- Нет, здесь точно что-то есть, я тоже встал из-за стола и отошел к окну. Ветер гнал по небу рваные серые тучи, срывал листья с деревьев и гонял их по асфальту. Сентябрьское солнце слабо пригревало мои щеки через стекло. Здесь точно что-то есть, повторил я. Он положил руки мне на плечи и коснулся губами моей щеки:
- Ну, есть и бог с ним, жарко выдохнул он мне в ухо.
- Перестань, я передернул плечами и сбросил его ладони.
- Да ладно, тебе ведь это сейчас нужно, он обнял меня за талию и обжег горячим дыханием шею.

— Отвали, — прошипел я в ярости.

Он вздохнул и опустил руки.

— Не смей. Слышишь? Никогда не смей предлагать мне это, — проговорил я, не оборачиваясь. — Забудь о том, что тогда произошло. Это было ошибкой.

Он снова вздохнул и направился к двери.

- Тебе что-то оставить? спросил он тускло уже на пороге.
- От вас сегодня корицей пахло, буркнул я.
- Хорошо, ответил он, я отложу тебе парочку. Я развернулся и проводил его тяжелым взглядом. Он вышел в коридор с расстроенным видом.

Это действительно было ошибкой. Я должен был тогда держать себя в руках. А теперь... сейчас уже поздно что-то менять. Он все еще относится ко мне скорее как к любовнику, чем как к брату. И это отвратительно. Черт, чем больше я думаю об этом, тем большей сволочью себя чувствую.

Я вернулся за стол, надел очки и взял следующую тетрадь. Половина работы была написана темно-синей ручкой, а половина — светло-голубой. Я отложил эту тетрадь и взял следующую. Здесь история повторилась с точностью до наоборот: полработы написано светло-голубыми чернилами, а вторая половина — темно-синими. Близнецы, черти, убью обоих. Тетрадями они меняются. Самое смешное — в обеих работах ни одной ошибки или помарки. Все равно двояки обоим... и оставлю их после уроков — пускай переписывают. Мне тут в любом случае лишний час куковать, а так хоть какая-то польза будет.

За дверью учительской прозвенел звонок, и в кабинет тут же влетела Альбина.

- Ох, уж эти дьяволята, выдохнула она, задержавшись у зеркала.
- У вас был урок в 11-А? спросил я с ухмылкой.

У нас уговор — даже наедине мы обращаемся друг к другу на «вы» и используем только вымышленные имена.

- Ну да, улыбнулась она и снова села на край своего стола, вытянув длинные стройные ножки. Вы уже выучили мое расписание?
- Не ваше, а 11-A, ответил я.
- Ну да, конечно, кивнула она, там же ваши родственники учатся.
- Что они натворили на сей раз? поинтересовался я.

В этот момент в кабинет вошла Светлана Павловна. Она с улыбкой кивнула Альбине, бросила короткий взгляд на меня, покраснела как вареный рак, и отвернулась к зеркалу, якобы поправляя прическу.

- Мы сегодня писали диктант, начала пояснять Альбина, так знаете, что они устроили?
- Дайте-ка угадаю, еще шире улыбнулся я, посреди работы они обменялись тетрадями.
- Вот именно! в негодовании воскликнула она. И как прикажете оценивать их работы?
- Лично я за такую штуку поставил им двояки и сегодня оставлю их после уроков, сказал я со вздохом. Осталось самое сложное сообщить о моем решении им.
- А это не слишком жестоко? вдруг проговорила Светлана, не глядя на меня.

Я вздохнул. Жестоко. Да что ты знаешь о жестокости, детка?

- Ну, надо же их как-то учить работать самостоятельно, я передернул плечами.
- А их родители? Может, стоит с ними поговорить? она посмотрела на меня так, что на мгновение у меня даже сжалось сердце.
- У них нет родителей, я отвел глаза не в силах выдержать этот взгляд. Их мать бросила

их, когда они были совсем маленькими, а их отец... погиб прошлой весной, — я искоса взглянул на Альбину. Она незаметно кивнула. — Они живут в приюте при мечети. А я, как их ближайший родственник, присматриваю за ними, слежу за их успехами в учебе, помогаю делать домашние задания, да и вообще забочусь о том, чтобы они были одеты, накормлены...

- Я слышала, проговорила Светлана после молчания, что вы тоже живете в приюте. Я кивнул.
- Вы знаете, Фарит... Тимурович, она сделала многозначительную паузу между моим именем и отчеством и села на краешек стула у моего стола, я уже говорила раньше, что вы очень добрый, ее ладошка вдруг легла на мое запястье. Я поднял на нее глаза. А сейчас я вижу, что вы еще и очень чуткий и внимательный... и заботливый, она улыбалась такой грустной улыбкой, что мне захотелось коснуться кончиками пальцев ее щечки. Но я удержался от этого, чувствуя на себе тяжелый взгляд Альбины. Вы были бы замечательным отцом.

Я горько усмехнулся и слегка сжал ее ручку свободной рукой:

- Вы меня совсем не знаете, Светлана Павловна.
- Я хочу узнать вас, проговорила она, понизив голос.
- Не стоит, я покачал головой, такие как я счастья не приносят.
- Опять эти Мансуровы, вдруг раздался от двери жесткий голос Людмилы Эрастовны. Светлана Павловна вздрогнула, поспешно отняла руку и поднялась ей навстречу.
- Что случилось, Людочка? с улыбкой поинтересовалась Альбина.
- Достали меня эти басурмане, заявила Людмила. Мало того, что их к доске, видите ли, надо только парой вызывать, так они еще и по коридорам ходят, держась за ручки. Ни дать, ни взять любовники.
- Будет вам, Людмила Эрастовна, улыбнулся я, вставая и собирая книги и тетради, они же никому не мешают. Ну, хотят они держаться за ручки на здоровье. А вот если они желают, чтобы их к доске парой вызывали, вы их предупредите, что и оценку будете делить им на двоих.
- Устами младенца, как говорится... пробормотала Людмила и плюхнулась на свой стул.
- Прошу меня простить, дамы, я поклонился от двери, мне нужно идти.
- Контрольная в 10-В? ехидно спросила Людмила. Вы ж следите, чтоб они шпаргалками не пользовались.
- Грамотно составленная шпаргалка, поправив очки, улыбнулся я, это уже половина правильного ответа.

С этими словами я вышел в коридор и почти нос к носу столкнулся с Ириной Федоровной. Я слегка кивнул ей и направился к лестнице на второй этаж.

Когда прозвенел звонок, мои десятиклассники уже сидели за партами и записывали на проштампованных листочках задания, которые я написал для них на доске. Тихо скрипели ручки и шелестели листки бумаги.

За окном завывал ветер. Я зябко поежился, глядя, как редкие прохожие на улице кутались в плащи и куртки, прятали в карманы руки и натягивали шапки на уши. Хорошо, что я сегодня задержусь в школе. В такую погоду совсем не хочется выходить. Пусть и близнецы мне будут благодарны — немного дольше посидят в тепле.

К концу урока я проверил все контрольные одиннадцатого класса. Их урок у меня следующий, а сейчас будет большая перемена — можно сходить в буфет и подкрепиться перед

общением с разъяренными близнецами.

Когда прозвенел звонок, я собрал работы десятого класса, дождался, пока дежурные вытрут доску, затем вышел из кабинета и запер дверь.

В учительской никого не было, поэтому я спокойно сложил свои вещи на столе, взял из портфеля четки и деньги и направился в буфет.

Ромчик стоял за прилавком, и его щеки пылали еще более ярким румянцем, чем обычно. Перед ним стояли несколько старшеклассниц, которые наперебой просили его показать то одно, то другое, громко смеялись и откровенно издевались над беднягой буфетчиком. Я подошел к прилавку и встал с краю. Ромчик бросил на меня один единственный взгляд, полный такого отчаяния, что мне стало его жаль.

— Барышни, вы уже определились? — спросил я строго.

Девчонки дружно вздрогнули, расплатились и, тихонько хихикая, направились к маленькому угловому столику.

- Спасибо, Фарик, вздохнул Ромчик. Эти ссыкухи мне весь мозг вынесли. Знаешь, за пять минут я устал больше, чем за всю предыдущую перемену. Мне вообще за вредность молоко положено...
- Вот видишь, улыбнулся я, а ты свою вредность булками берешь. Ты мне оставил с корицей?
- Прости, оказывается, их спекли всего десять штук и все расхватали на прошлой перемене. Я просто не успел ничего с этим поделать, он снова вздохнул. Могу предложить с маком или с изюмом. Есть печенье и пирожные с клубничным джемом...

Я скривился:

— Это все слишком сладкое. Не хочу... А леденцы мятные есть?

Он протянул мне пакет с конфетами.

— И кофе мне сделай, — напомнил я.

Он молча кивнул, взял одноразовый стаканчик и всыпал в него три ложки растворимого кофе и столько же сахара.

- Ром, я улыбнулся, я вообще-то кофе без сахара пью.
- Прости, он виновато улыбнулся, совсем зарапортовался.

Он спрятал полный стаканчик под прилавок и всыпал три ложки кофе в другой, затем залил кипятком и отдал мне. Я расплатился, подхватил свои покупки и развернулся к выходу из буфета.

Возле двери стояли близнецы, сложив руки на груди, и смотрели на меня тяжелым взглядом. Ну да, у них только что был английский, наверняка Людмила рассказала им о моих намерениях. Дьявол! Я прошел мимо них (при этом Ринат больно толкнул меня в плечо, отчего я чуть не расплескал свой кофе) и направился в учительскую. В кабинете я плюхнулся на свой стул, бросил пакет с леденцами на стол, поставил рядом стаканчик с кофе, заложил руки за голову, вытянул ноги и, откинувшись на спинку стула, закрыл глаза.

- И это весь ваш обед? послышался насмешливый голос Ирины Федоровны.
- Aга, кивнул я, не открывая глаз.
- С вашими данными, Фарит Тимурович, на булки налегать надо. А то скоро вас будет ветром сносить.
- Не стоит беспокоиться, Ирина Федоровна, улыбнулся я и посмотрел в ее сторону. Она сидела за своим столом, развернувшись ко мне лицом и немного расставив ноги, снова

открыв моему взору свои тоненькие шелковые трусики. Я вздохнул. — Мне ветер не страшен.

— Ну конечно, — она плотоядно улыбнулась и провела языком по губам.

И как прикажете реагировать на такие явные сигналы? Будь я в другой ситуации, она бы уже давно извивалась подо мной в жесточайшем оргазме, выла бы белугой и рвала бы на мне ногтями рубашку. Но даже сейчас, находясь с ней наедине, я буквально кожей ощущал этот жгучий равнодушный взгляд, полный ярости и недоверия. Я вздохнул и отвернулся. Нет. Я сильнее этого. Я могу держать себя в руках.

— Фарит... Тимурович, — дверь скрипнула и в учительскую заглянула Сарочка. Ее глаза подозрительно блестели, а на щеках играл нетрезвый румянец. — Вы мне не поможете? — она сально улыбнулась и как будто подмигнула Ирине.

Химичка презрительно хмыкнула и нарочито громко развернула газету, положив ногу на ногу.

Я допил свой кофе, положил в нагрудный карман пару конфет и встал из-за стола. Ирина старательно делала вид, будто с интересом читает газету, но на самом деле искоса наблюдала за нами. Мне даже показалось, будто я слышал, как скрипели ее зубы. Бабы, черт бы их подрал...

Сарочка пропустила меня вперед. Я направился к лестнице, она последовала за мной. Пока мы поднимались на второй этаж, пока шли по коридору к ее кабинету, пока она нервно перебирала связку ключей, у меня возникло и укрепилось чувство, что от разгадки меня отделяет буквально один шаг. Или одна дверь...

Замок щелкнул, я вздрогнул, а Сарочка жестом пригласила меня внутрь. Я с трудом заставил себя пересечь порог ее кабинета. Дверь за моей спиной хлопнула, и замок снова щелкнул. Попался, подумал я.

Теплая мягкая ладонь Сарочки беспардонно легла на мою талию:

— Ты такой худенький, — проговорила она, прижимаясь своим слишком объемным и слишком мягким телом к моей спине и ощупывая живот и грудь. Я не смог сдержать нервную дрожь. Гадко, как гадко. Но я не сопротивлялся. Какое-то шестое чувство подсказывало, что сейчас лучше стоять спокойно и не дергаться.

Вдоволь наобнимавшись, она обошла меня справа и тяжело взгромоздилась на край чудовищных размеров стола. Это был настоящий аэродром, больше походивший на эстраду в каком-нибудь стриптиз-клубе. Для полноты картины не хватало только парочки пилонов и извивающихся на них полуголых девиц. Я поморщился.

Ее кабинет в принципе больше напоминал будуар стареющей модницы, чем кабинет руководителя. Два огромных окна были наглухо занавешены тяжелыми темно-красными портьерами, из-под которых выглядывали невесомые белоснежные занавески. В дальнем углу у окна стоял темного дерева туалетный столик, над которым поблескивало в тусклом свете овальное зеркало в старинной оправе. Стол занимал почти все пространство кабинета. Вокруг него расположились с десяток легких складных стульев, а в его главе я с трудом различал в полумраке высокое кресло с темной обивкой. Всю стену у двери занимал легкий стеллаж, уставленный и увешанный горшками с цветами самых разных сортов. Стену за моей спиной занимал массивный шкаф со стеклянными дверцами, в котором хранились личные дела учеников и сотрудников. В довершение под потолком тихо позвякивала роскошная люстра, а на полу распластался темный мягкий ковер.

Сарочка улыбнулась, взяла меня за руки и притянула к себе, да с такой силой, что я чуть не

упал на нее:

- Что же ты стоишь столбом, милый? Неужели я тебе не нравлюсь?
- Я сглотнул комок, когда она положила мои ладони на свою грудь. И снова вздрогнул.
- Я... я... не хочу... с трудом выговорил я.
- А я тебя не спрашиваю, в ее голосе зазвучали угрожающие нотки, и ее ладони скользнули под мой свитер. Я почувствовал, как она начала расстегивать ремень.

Разумеется, я солгал, когда сказал, что не хочу. Хочу, черт возьми! Уже месяц я терплю это издевательство — сначала разговоры, потом все более и более откровенные наряды, потом эти якобы случайно выглядывающие из-под юбок резинки чулок, эти соблазнительно вздрагивающие при каждом шаге не стесненные бюстгальтерами груди, эти вздохи и томные взгляды... Я не каменный, черт подери! Я совсем не каменный! Не знаю, как для других, а для меня это настоящая пытка — смотри, но руками не трогай, трогай, но не смей заходить дальше, поцелуй в щечку, но не более! Черт! Первое же ее прикосновение к моей талии, случайно донесенный неизвестно откуда взявшимся сквозняком запах ее духов — и мое тело уже реагирует настолько неудержимо, что у меня подкашиваются ноги. Да, она старая, толстая тетка с дряблой кожей и кучей других проблем, но останавливает меня вовсе не это. Останавливает меня взгляд, который сурово следит за каждым моим движением, за каждым моим словом и за каждой моей мыслью.

Именно из-за него, а вовсе не потому, что мне не хотелось, я с трудом поднял руку, коснулся ее лба и прошептал: «Спать»...

Ее тело тут же обмякло, глаза закрылись, и грудной стон превратился в глубокий вздох. Я осторожно уложил ее на стол, с сожалением погладил по щеке, заправил выбившуюся из прически прядь за ухо, вздохнул и развернулся к двери. Ключ торчал в замке. Я осторожно провернул его и тихо вышел из кабинета.

По коридору бегали и ходили дети. Некоторые бросали в мою сторону любопытные взгляды, пока я, привалившись к двери, приводил в порядок свою одежду и приглаживал волосы. Незаметным щелчком я приказал замку закрыться.

На ватных ногах я с трудом спустился по лестнице и открыл дверь учительской. Но тут же закрыл ее и со стоном облокотился о стену. Нет, это невыносимо!

Они были вдвоем — Светлана Павловна и Ирина Федоровна. Светлана сидела на краю своего стола лицом к Ирине, которая с жадностью целовала ее щеки и шейку. А ее руки тем временем с упоением мяли грудь француженки под кашемировым свитером. ВекиСарочка пропустила меня вперед. Я направился к лестнице, она последовала за мной. nbsp; с трудом выговорил я. Светланы были полуопущены, ноги чуть расставлены. Можно было бы подумать, что происходящее доставляет ей удовольствие. Но ее поза выглядела слишком расслабленной.

Меня вдруг словно пронзило током — да она же спит!

Я развернулся к двери и резко распахнул ее. Ирина сидела за своим столом с газетой в руках. При моем появлении она подняла на меня удивленный взгляд. Светлана сидела на своем месте, уронив голову на руки. Услышав скрип двери, она выпрямилась и сонно осмотрелась вокруг.

- Как? Вы уже закончили? с кривой ухмылкой проговорила Ирина.
- Я метнул на нее гневный взгляд и направился прямиком к Светлане.
- Светлана Павловна, с вами все хорошо? спросил я, присев возле ее стула на корточки.

Пускай Ирина делает вид, что здесь ничего не происходило, что она все время сидела за своим столом, уткнувшись в газету, но я-то чувствую этот запах...

Светлана сонно улыбнулась и положила ручку мне на плечо:

— Спасибо, Фарит... Тимурович, я в порядке...

Божественный аромат, куда лучше Шанели. Я невольно прикрыл глаза и принюхался. И возбуждает куда сильнее...

- Я рад, Светлана... Павловна, с трудом переводя дух, произнес я и поднялся. Ноги меня не слушались, но я сумел каким-то чудом дойти до своего места. Вероятно, я плюхнулся на стул тяжелее, чем обычно, потому что Ирина снова подняла на меня удивленный взгляд. Я отблагодарил ее фальшивой ухмылкой.
- Фарит Тимурович? в учительскую вошла Альбина с вечной улыбкой на губах, но под ее взглядом я весь сжался в комок. Вы уже обедали?

Я мотнул головой и провел рукой по лбу. На висках выступили мелкие капельки пота.

— В таком случае, — еще шире заулыбалась Альбина, — не откажите попробовать моих котлет.

Я вздрогнул.

Это был условный знак. Если бы она сказала булочек или печенья, значит, как и я, она ничего не выяснила.

Она вынула из своей сумки небольшой пластиковый контейнер с крышкой. Я невольно облизнулся, и у меня заурчало в животе. Я так давно не ел его котлет!

Она открыла крышку и вдруг повернулась к Светлане:

— Светочка, присоединяйтесь! Вы ведь тоже живете одна и котлет не готовите, — Альбина улыбнулась такой доброжелательной улыбкой, какой я еще никогда у него не видел.

Ирина смерила ее презрительным взглядом, сложила газету и вышла в коридор.

— Угощайтесь, — тем временем Альбина разложила котлеты на небольшие ломти хлеба и протянула один бутерброд мне, а другой Светлане, которая придвинула свой стул поближе к моему столу и со смущенным видом приняла кушанье.

Я проглотил свою порцию одним махом и потянулся за добавкой.

- «Что ты выяснил?»
- «Ничего».
- «Тогда зачем котлеты?»
- «Извини, не могу видеть, как ты обедаешь одним кофе и леденцами».
- «Значит, ты просто заботишься обо мне?» я вздохнул.
- «Тебе неприятно?»
- «Приятно».
- «В таком случае, давай ешь».
- «Я секса хочу», я всхлипнул вслух. Светлана посмотрела на меня с удивлением.
- «Потерпи, недолго осталось».
- «Так ты что-то выяснил?»
- «Я, кажется, сказал», Альбина гневно блеснула на меня глазами, но ее взгляд тут же смягчился:
- Светочка, не стесняйтесь, берите еще. Кушайте на здоровье.
- Спасибо, Светлана улыбнулась, а я не смог оторвать взгляд от ее лица. Оно вдруг показалось мне божественно красивым, хотя раньше я считал ее просто миленькой. Вы так

вкусно готовите.

Альбина довольно улыбнулась и подмигнула мне.

«Пап, я больше не могу так!» — я снова всхлипнул, но сделал вид, что у меня просто зачесался нос. — «Они так и вешаются на меня! Сегодня вот Ирина передо мной чуть ли не в одних трусиках ходила, потом Сарочка почти изнасиловала…»

Альбина слегка нахмурила высокий лобик:

- «Где это произошло?»
- «В ее кабинете».
- Ну что ж, молодежь, кушайте, а мне нужно попудрить носик, Альбина нежно потрепала меня по плечу, улыбнулась и, нарочито покачивая бедрами, вышла из кабинета.
- Никогда бы не подумала, что Альбина Петровна так здорово готовит, проговорила Светлана.
- Она вообще полна сюрпризов, кивнул я и вздохнул, внимательно рассматривая ее. Вот она сидит передо мной, похожая на легендарную Марианну черные длинные волосы, ясные зеленоватые глаза, курносый носик, пухлые губки, которые так и просят поцелуя, округлые щечки, маленькие ушки. Она мне кого-то напоминает, но кого?
- Фарит... Тимурович, вдруг покраснев, проговорила она тихо, а что это вы так на меня... смотрите?

Она продолжала вглядываться мне в глаза, и ее лицо становилось все ближе и ближе. То ли я тянулся к ней, то ли она ко мне, то ли мы оба тянулись друг к другу. Ее ротик приоткрылся, губки раздвинулись, и между ними поблескивали белые зубки. Я уже готов был схватить ее за плечи, притянуть к себе и осыпать поцелуями эти щечки, шейку, ручки, грудь, животик, ножки — всю ее. Она прикрыла глаза, и стала приближаться еще быстрее, чем раньше, будто влекомая неудержимым горным потоком...

Как вдруг дверь снова распахнулась, и на пороге возникла разъяренная Ирина. Светлана тихонько вскрикнула и вскочила со стула. Я тоже поднялся, нахмурившись и приготовившись к обороне.

- Щенок, процедила химичка сквозь зубы, что ты с ней сделал? она схватила меня за грудки и встряхнула с неожиданной силой.
- Я не понимаю, о чем вы, проговорил я, сбросив ее руки со своей груди.
- Сара... что ты сделал с ней? Я только что была у ее кабинета, стучала в дверь, дергала ручку
- ни ответа, ни привета! Что ты с ней сделал?
- Ничего я с ней не сделал, я передернул плечами и посмотрел на нее надменно. Сара Игнатьевна сильно нервничает перед сегодняшним вечером. Она предлагала мне выпить с ней водки. Я отказался. Тогда она устроила истерику, сказала, что ее никто не любит, не уважает. Я ее успокоил, как мог, а потом ушел.
- Дверь за тобой она сама закрывала? Ирина сверлила меня глазами, но я без труда выдержал этот взгляд.
- Да, когда я вышел, я услышал, как щелкнул замок.

Она прищурилась. Этот взгляд я тоже выдержал без труда.

- Допустим, наконец, проговорила она, но если на следующей перемене она не выйдет, я вызову полицию.
- На здоровье, кивнул я.

Она смерила меня презрительным взглядом, затем удостоила таким же взглядом Светлану и

вышла в коридор.

- Пора идти, Светлана Павловна, тихо проговорил я.
- Да, согласилась она и стала рассеянно собирать свои книги и тетради.

Я подождал, пока она выйдет, вышел следом за ней и запер дверь на ключ.

Когда я поднялся на третий этаж, прозвенел звонок. Мои одиннадцатиклассники уже сидели за партами и раскладывали учебники и тетради.

Близнецы сидели в среднем ряду за третьей партой. Как бы я ни отводил взгляд, их надутые физиономии оставались в поле моего зрения.

Я открыл журнал и провел быструю перекличку. За Рината ответил Шакир, а за Шакира — Ринат.

Сейчас их различить почти невозможно — у них одинаковые темно-русые волосы и карие глаза, одинаковые чуть вздернутые носы и вытянутые лица, одинаковые ямочки на подбородках и одинаковой округлой формы уши. Они одеваются одинаково, носят одинаковые толстые цепочки на шеях и массивные браслеты на руках. У них одинаковые рюкзаки, обувь и даже ручки.

Разница между ними проявляется в мелочах, на которые обычные люди не обращают внимания — браслеты на руках Шакира одеты в несколько ином порядке, Ринат по-другому завязывает шнурки на ботинках. Шакир предпочитает писать светло-голубой ручкой, а Ринат — темно-синей, хотя у каждого в пенале имеются ручки обоих цветов.

При желании они могли все сделать таким образом, что я бы никогда не догадался о том, что они поменялись тетрадями — почерки-то у них тоже почти одинаковые, только у Шакира буквы немного круглее, а у Рината чуть более затейливые завитки — но они все сделали так нарочито. В общем-то, разозлила меня именно эта нарочитость, а вовсе не сам факт того, что они дописывали контрольную друг за друга. Я прекрасно знаю, что они вместе и по отдельности могут без труда решить любой вариант школьной контрольной по математике, физике или другому предмету. Когда-то они мне сказали: «Если бы мы еще и учились, мы бы школу лет пять назад окончили»...

- Кто дежурный? спросил я со вздохом.
- Мы, угрюмо ответил Ринат.

Я взглядом указал на сложенные стопкой на углу стола тетради. Они быстро раскидали их по партам.

- Вопросы? проговорил я устало.
- A за что нам двойки? с обидой спросил Шакир.
- У нас вообще никаких исправлений нет, подтвердил Ринат.
- Контрольная нужна для того, ответил я со вздохом, чтобы определить, как хорошо каждый из вас усвоил материал. Коллективное творчество меня не интересует. Если оценки вас не устраивают, останьтесь сегодня после уроков и перепишите. Но в этот раз тетрадями меняться я вам не позволю, последнюю фразу я произнес тихо, но в воцарившейся в классе тишине каждое мое слово звучало, как колокольный звон.

Ученики смотрели на меня с неподдельным ужасом. Такой же ужас я читал и в глазах близнецов.— Еще вопросы есть?

Ответом мне было молчание.

– Ринат, к доске...

Остаток урока прошел в такой же тишине. Слышно было, как скрипели ручки по бумаге и

мел по доске. Я мог сказать даже, кто и в каких примерах допускал ошибки.

Небо за окном потемнело, поэтому примерно на середине урока мне пришлось встать и включить свет. Ветер разгулялся не на шутку. Если утром он гонял листья по асфальту, то сейчас они кружились уже на уровне окон третьего этажа.

Когда прозвенел звонок, мои ученики тихонько собрались и почти беззвучно покинули класс. А я обхватил голову руками и всю перемену просидел так. Следующий урок у меня был в том же кабинете, поэтому мне не обязательно было куда-то уходить.

Десятый «Б» вошел в класс со звонком, перешептываясь и пересмеиваясь. Они быстро заняли свои места, разложили учебники и встали, приветствуя меня. Я жестом приказал им садиться.

Сегодня у них начиналась новая тема, поэтому на этом уроке я только рассказывал.

По-хорошему я должен был бы задавать им вопросы, чтобы они думали и отвечали на них, но я этого не сделал. Мне нравится рассказывать, вкладывать в неокрепшие умы новые знания, а вместе с ними давать им некие установки, нормы, правила, принципы и понятия. Эх, если бы работа учителя состояла только из этого! Девчонки десятиклассницы смотрели на меня с обожанием, а я вещал. Мальчишки пооткрывали рты, но я был неумолим. Я рассказывал им о колебаниях, частотах, волнах, амплитудах и прочих явлениях волновой физики.

К концу урока я почувствовал себя намного лучше. Теперь я готов был выдержать любые атаки Ирины и Сары, и даже для шарма Светланы стал почти неуязвим.

В учительскую я вошел в приподнятом настроении. Мне предстояло где-то переждать этот урок, а потом встретиться с близнецами, посадить их в каком-нибудь кабинете, чтобы они переписали эту свою несчастную контрольную...

Ирина Федоровна сидела на своем столе, рядом с ней стояла Людмила Эрастовна. Сейчас они молчали, но по выражению их лиц я понял, что опоздал на считанные секунды. А по тому, как они посмотрели на меня, догадался, что предметом их перепалки был именно я. Почему-то мне показалось, что Людмила защищала меня, но я не горел желанием удостовериться в этом прямо сейчас. Поэтому я быстро забросил свои вещи на стол, схватил из портфеля четки и пулей вылетел в коридор.

- Фарит Тимурович, вы не забыли? раздался за моей спиной голос Альбины.
- Я все помню, Альбина Петровна, кивнул я на бегу и хлопнул дверью буфета.

Ромчик вытирал столики влажной тряпкой. Близнецы стояли у стойки. Я плюхнулся на ближайший стул и начал нервно перебирать четки.

- Ты пропустил полуденную молитву, буркнул Ринат.
- И утреннюю тоже, поддакнул Шакир.
- Идите к дьяволу, огрызнулся я, продолжая теребить бусины.

Ромчик накрыл рукой четки и заглянул мне в глаза:

— Что случилось, Фарик?

Близнецы тоже подошли к нам и уселись на стулья у столика.

- У меня дурное предчувствие, ответил я и позволил Ромчику опустить мои руки на колени.
- Расслабься, Фарик, в народе это называется спермотоксикоз, ухмыльнулся Ринат.

Я смерил его таким взглядом, что он невольно вжал голову в плечи.

- Рассказывай, Шакир сцепил пальцы в замок и положил руки на стол.
- Да рассказывать-то, в общем, нечего, вздохнул я. Все в принципе как обычно мои

тетки пытаются меня соблазнить, Сарочка так и вовсе заманила в свой кабинет и чуть не изнасиловала, но... не знаю, может, погода так влияет... — я посмотрел в окно. Ветер разгулялся в полную силу. Я такого даже над Бездной не видел. Листья кружились в потемневшем от пыли воздухе как настоящие смерчи. На улице не было ни души. Братья молчали и вместе со мной смотрели в окно.

- Может, и погода, задумчиво проговорил Ромчик.
- Фарик, тебе нужен секс, хлопнул меня по коленке Ринат.
- Спасибо, огрызнулся я, это я и без тебя знаю.
- Ладно, нам пора, проговорил Шакир. Где тебя ждать после урока?
- Подходите к учительской, там разберемся, сказал я.
- Может, лучше пойдем домой? неожиданно предложил Ромчик. Фарик, ну его все к Xaocy! Я почти уверен, что вся эта история пустышка. И хорошо если просто пустышка. А если ловушка? И ловушка не для кого-то там, а для нас!
- Ромчик прав, Фарик, согласился Шакир.
- Может, стоит сообщить деду? проговорил Ринат.
- Думаешь, он не в курсе? поморщился я и отошел к окну.

Разумеется, он прав. По-хорошему, я действительно должен обратиться к деду, рассказать ему обо всем. С одной стороны, это кажется разумным, но с другой — просить помощи, значит, расписаться в собственной слабости. К тому же здесь отец, соответственно, дед тоже должен быть в курсе всего, что здесь творится. Я уверен, что отец дает ему ежедневный отчет...

- Все, Ринат, идем, скоро звонок, проговорил Шакир и потянул брата за рукав.
- Фарик, Ромчик подошел ко мне сзади, но не решился положить руки мне на плечи, потерпи еще немного. Мне кажется, что скоро все это закончится.
- Очень надеюсь, сказал я и тоже вышел из буфета.

Я вернулся в учительскую. Мои дамы разошлись по урокам. Я уселся за свой стол, заложил руки за голову и закрыл глаза.

Здесь точно что-то есть, я чувствую это. Более того, я почему-то уверен, что все решится сегодня. И мне почему-то страшно. Я не из тех, кто склонен делать из мухи слона, но лично я боюсь смерти. А сегодня я буквально чую ее, она прямо витает в воздухе, в этой самой комнате. Может, действительно погода? Но и она тоже нетипична для этого времени года — обычно подобные пылевые бури случаются летом и намного южнее...

— Фарит Тимурович, — я вздрогнул от звука ее голоса и открыл глаза.

Людмила Эрастовна стояла у моего стола и смотрела прямо мне в лицо.

Я знаю, что обычно такие женщины камня за пазухой не держат. Я знаю, что она трудно сходится с людьми, но если сходится, то это навсегда. Она будет горой стоять за своих друзей. Но, даже зная все это, я не могу перестать ее бояться. Мне все время кажется, что вот прямо сейчас она требовательно протянет руку, возьмет мой дневник, напишет в нем какую-нибудь размашистую каверзу, а потом сурово взглянет на меня поверх очков и скажет что-то типа: «И чтобы завтра без отца не приходил». Глупо, конечно, но, глядя на нее, у меня всегда холодеют ладони, а по спине бегут такие мерзкие мурашки.

- Вы сегодня были в кабинете Сары Игнатьевны? не то спросила, не то заявила она. Я молча кивнул.
- Вы заметили там что-то странное? она продолжала сверлить меня глазами.

- С... странное? переспросил я. Да мне все там показалось странным!
- Конкретнее, она прищурилась.
- Уж куда конкретнее, я поднялся со своего стула. У нее же в основном бумажная работа, а в кабинете темно тяжелые портьеры на окнах, свет выключен. Стол этот огромный вообще не вписывается. Его можно без проблем распилить вдоль на три части и поставить в трех кабинетах. И проводить в каждом большие совещания. Потом ковер на полу. Складные стулья у стола...
- Большой стол и ковер? задумчиво переспросила она. И темно... вы присматривались к предметам обстановки?
- Вы смеетесь? Да я оттуда еле ноги унес! хмыкнул я.

Она вдруг схватила меня за запястье и потянула к двери. Я попытался вырваться, но не тут-то было— ее хватка оказалась крепче, чем можно было предположить.

- Куда вы меня тащите? наконец оставив попытки к сопротивлению, спросил я.
- В кабинет завуча, ответила она. Раз уж вы оказались столь недальновидны и не осмотрели там все как следует, сейчас мы сделаем это вместе.
- А если Сара Игнатьевна будет в кабинете? А если нас кто-нибудь увидит? И как вы собираетесь проникнуть туда? Лично у меня ключа нет, попытался возражать я.
- Сары Игнатьевны в кабинете нет она отправилась в парикмахерскую,— заявила Людмила, будет через полчаса, а то и позже. Нас могут увидеть только дети, но они же не знают, что Сарочки нет на месте. А вот как мы туда проникнем... Я полагаю, так же, как вы оттуда вышли.
- Там ключ в замке торчал, буркнул я.
- Ага, а снаружи вы дверь стержнем от ручки закрыли, съязвила она. Можете не водить меня за нос. У меня в этом опыта побольше вашего.

Я вздохнул и, опустив голову, поднялся за ней по лестнице на второй этаж.

В коридорах было пусто, тихо и темно. Было слышно, как ветер завывал за окнами и с силой швырял на стены мелкие камешки, пыль и обломанные ветви деревьев. Хлопали отливы и козырьки. Все эти звуки вкупе с недостаточным освещением создавали гнетущую атмосферу и навевали мысли о приближении смерти. В какой-то момент меня даже охватила паника, и я снова попытался вырваться из цепких пальцев Людмилы, но она сильнее сжала мое запястье и ускорила шаг.

Мы повернули за угол, и звуки бушевавшей на улице бури стали глуше. Я немного успокоился и остановился у двери кабинета Сарочки.

- Открывайте, скомандовала Людмила.
- Как? Ногтем? ухмыльнулся я, но она смерила меня таким взглядом, что у меня снова похолодели ладони.

Я больше ничего не сказал и щелкнул пальцами. Замок послушно провернулся и дверь с тихим скрипом открылась.

Я шагнул к порогу, но замер в нерешительности.

Вид кабинета изменился. На стеллажах, на которых всего два урока назад были цветы, сейчас стояли свечи в подсвечниках странных форм. Некоторые из них были оплавлены более чем наполовину, некоторые, видимо, зажгли совсем недавно. Огромный стол также был заставлен свечами, но таким образом, что в его центре оставалось пустое пространство.

Людмила подтолкнула меня в спину, и мы вошли в кабинет. Я тут же принялся осматривать

стол. Я не сразу сообразил, какую фигуру образовывали свечи, но, как только понял, по моей спине пробежал противный холодок. Это было место для двух человек, лежащих плечом к плечу. А там, где должны были находиться их ладони, были большие пятна крови. Я судорожно вздохнул. Я уже видел подобное. Однажды и издалека, но эта картина настолько поразила меня тогда, что с тех пор я напрочь отказался участвовать в любых ритуалах.

— Вы знаете, что это такое?

Я кивнул. Разумеется, я знал. Я даже догадывался, для кого именно было подготовлено это место на столе. На моих глазах выступили слезы. Да, я сам когда-то подумывал о том, чтобы избавиться от них, но не так! Быть принесенными в жертву — это же так унизительно и отвратительно!

- Вы знаете, зачем это нужно? донесся до меня откуда-то издалека голос Людмилы.
 Я снова кивнул.
- Близнецов приносят в жертву для того, чтобы заполучить их магическую силу. Любая пара близнецов имеет общее энергетическое тело, а значит, а priori, они все умеют обмениваться и управлять энергиями. А эти двое... они вообще особенные. Сила каждого из них огромна, а их общая сила и вовсе почти безгранична...
- Занятненько, я вздрогнул от звука голоса Сарочки.

А потом ощутил резкий сильный удар в основание шеи. Я упал навзничь. В глазах потемнело, но я сумел удержаться на самом краешке сознания.

Я почувствовал, как меня подхватили под руки и за ноги, как оттащили в дальний угол комнаты и как защелкнули на запястьях стальные кандалы. С меня сорвали одежду, и я ощутил горячее дыхание возле шеи и мягкие теплые ладони, которые скользили по груди и животу и ниже.

— Вроде худенький, но довольно крепкий, — послышался довольный голос Сарочки, когда осмотр был окончен. — Тащите сюда девчонку.

Сквозь полуопущенные веки я видел, как в кабинет под руки ввели Светлану. Она с трудом передвигала ноги и, казалось, была в полубредовом состоянии. Ее подвели к стене рядом со мной и также поставили на колени. Я снова ощутил ее аромат и почувствовал возбуждение. Лишь усилием воли мне удалось перебороть свою плоть и продолжить играть роль человека без сознания.

На ее ручках также защелкнули кандалы, а затем с нее сорвали одежду. У меня перехватило дух от вида ее обнаженного тела, и мне снова пришлось бороться с природной реакцией моего организма. Ее тоже придирчиво осмотрели и ощупали.

- А ты уверена, что она девственница? спросила Сарочка.
- Я проверяла, ответила Ирина.
- Ну, хорошо, Сарочка хлопнула в ладоши, пока эти двое придут в себя, займемся близнецами. Ведите их!

В кабинет ввели Рината и Шакира. Их руки были связаны за спинами, а на ногах были кандалы. Я судорожно глотнул ртом воздух. Они смотрели прямо перед собой и послушно приблизились к столу. Видимо, их тоже чем-то обкололи.

— Готовьте их, Роман, — скомандовала Сарочка и протянула черный ритуальный нож стоявшему здесь же в резиновом фартуке Ромчику.

Он послушно принял клинок из ее рук и приблизился к близнецам. Одним движением он срезал их волосы и футболки, а также разрезал веревки на запястьях. Его движения были

скованными и медлительными, поэтому я предположил, что он также находился под действием какого-то препарата.

Рядом со мной пошевелилась Светлана.

- Как вы себя чувствуете? тихо спросил я.
- Я в порядке, так же тихо ответила она, только холодно, и покалывает в пальцах рук и ног.
- Судя по всему, вам вкололи сильнодействующий транквилизатор, пояснил я, скоро его действие закончится, и неприятные ощущения исчезнут.
- Спасибо, она улыбнулась и всхлипнула.
- Не бойтесь, Светочка, прошептал я, вы в безопасности. Я не дам вас в обиду. Она подняла голову и посмотрела на меня. В неверном свете от свечей ее глаза казались оранжевыми.
- Спасибо вам, Фарит, вы так добры ко мне.

Тем временем близнецов уложили на стол, и по комнате побежали мрачные тени. В ритуале участвовали десять человек. Я предположил, что кроме членов моей кафедры, здесь были учителя и с других параллелей. У противоположной стороны стола стояла Альбина — даже в тени от черного капюшона ее одеяния я видел, как блестели его глаза. Ромчик стоял возле шкафа, низко опустив голову и глядя прямо перед собой. Сара начала читать заклинание. Женщины у стола повторяли его. Слов было не разобрать, но это и не важно. Важны интонация, ритм, тональность и мелодия, а вовсе не сами слова. Произнесенные в правильном диапазоне звуки вступают в резонанс с энергетическими потоками, позволяя заклинателю направить силу в нужном направлении. Я уже чувствовал, как вокруг меня закружились энергии, как они пронзали мое тело и тела присутствующих, но что-то здесь было не так. Диссонанс, который нарушал общую картину ритуала. Я прислушался и услышал голоса Людмилы и Альбины. Они произносили заклинание

Я вдруг посмотрел на происходщее другими глазами, и до меня дошло. Я приказал раскрыться своим кандалам и кандалам Светланы, но сделал ей знак, чтобы она не вставала. Когда Сара занесла нож над шеей Шакира, а Ирина — над шеей Рината, я вытянул вперед руку и приказал пламени свечей, что горели возле завуча, вспыхнуть с утроенной силой. Она вскрикнула, выронила нож и закрыла лицо руками.

несколько медленнее и ниже, чем все остальные. Но, видимо, кроме меня, этого никто не

И в тот же миг сцена изменилась, будто все только и ждали моего сигнала.

Близнецы вскочили на столе, спина к спине, и выставили руки в пассе защитного заклинания. Альбина сбросила в головы капюшон и схватила за волосы Ирину, приставив нож к ее шее. Людмила также скинула капюшон, подняла руки и зычным голосом объявила:

Всем оставаться на местах!

заметил.

Остальные дамы замерли и не двигались.

— Эд, включай свет, — голос Людмилы изменился, и говорила она теперь на тари. — Шейн, выруби всех.

Люстра под потолком вспыхнула, и все дамы, кроме Альбины и Людмилы, попадали на пол. Близнецы спрыгнули со стола и подбежали ко мне. Людмила тяжело вздохнула. Ее плечи стали шире, рост уменьшился, волосы потемнели и сами собой заплелись в тонкие косички, глаза стали изумрудно-зелеными.

— Дед, — улыбнулся я, — я должен был сразу догадаться.

Он улыбнулся мне в ответ и обернулся к отцу, который как раз принял свою истинную форму и уже начал преображаться обратно в человека:

— Трент, забирай Сару, Эдвин, — он обернулся к улыбавшемуся во весь рот дяде Эдвину, который в этот раз играл роль Ромчика, — а ты бери Ирину. Несите их в Хаос, пускай с ними там разбираются. Они вне нашей юрисдикции. Шейн, — он снова посмотрел на меня и улыбнулся, — а ты одевайся и подчисти здесь все. Особенно воспоминания о нашем пребывании. Эдвин вернется и оставит здесь два трупа. Мы обставим все так, будто Сара и Ирина занимались черной магией — ну, или считали, что занимались черной магией — и от одной из свечей начался пожар. В общем, они погибнут в огне.

Я кивнул и с жалостью посмотрел на Светлану. () Она лежала на полу, подложив ладошки под голову, и сладко сопела. Ее длинные черные волосы рассыпались по обнаженным плечам, и мерно покачивалась в такт дыханию аппетитная попка.

— А вот об этом даже не думай, — дед хлопнул меня по плечу. — Не стоит ломать девочке жизнь из-за твоей несдержанности. Когда закончишь здесь, я дам тебе отпуск на неделю и целый публичный дом в полное твое распоряжение.

Я улыбнулся и кивнул.

Он снова улыбнулся мне в ответ, развернулся и исчез в радужной дымке вместе с близнецами. Отец с легкостью забросил на плечо спящую Сару, а Эдвин обхватил за талию Ирину, и они тоже растаяли в дрожащей радуге.

Я вздохнул, набросил на плечи балахон, который оставил дед, осторожно поднял на руки Светлану и отнес ее поближе к остальным. Ее одежда была в лучшем состоянии, чем моя, поэтому я одел ее, усадил на складной стул, который вместе с другими стоял прислоненный к стене, и поднял руки над головой. Но потом опустил их.

У меня было такое чувство, будто я совершал что-то постыдное и преступное, но с другой стороны я чувствовал, что должен был сделать именно это. Я вынул из кармана изорванных в клочья брюк четки, которые забыл положить в портфель, и вложил их в ее ладонь. А затем стянул с нее трусики и спрятал в рукаве балахона. И снова поднял руки...

nbsp; чтобы определить, как хорошо каждый из вас усвоил материал. Коллективное творчество меня не интересует. Если оценки вас не устраивают, останьтесь сегодня после уроков и перепишите. Но в этот раз тетрадями меняться я вам не позволю, —